

DOI: 10.17976/jpps/2015.03.12

РУССКАЯ ВЛАСТЬ И БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПО В.П. МАКАРЕНКО

Л.Н. Тимофеева

ТИМОФЕЕВА Лидия Николаевна, доктор политических наук, профессор, зам. зав. кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС. Для связи с автором: timofeeva-lidiya@inbox.ru

Статья поступила в редакцию: 02.02.2015. Принята к печати: 16.02.2015

Аннотация. Рецензируемая монография (Макаренко В.П. *Русская власть и бюрократическое государство, часть 1: монография. Ростов-на-Дону. Изд-во МарТ. 2013. 652 с.*) посвящена применению разработанной автором теории бюрократии для анализа связи между “русской властью” и бюрократическим государством, группами интересов и правительством современной России. Критический взгляд автора на методы, используемые российскими и зарубежными учеными при анализе русской истории, российского государства, “русской власти” и ее бюрократии, позволяет заглянуть в суть этих явлений. В России власть-общественность не позволяет выразить общие интересы населения страны. Преобладают корпоративные и клиентельные отношения групп интересов с госаппаратом. Автор рассуждает о том, почему возникли эти проблемы, как они рассматриваются и разрешаются современной политической наукой и практикой.

Ключевые слова: В.П. Макаренко; Россия; “русская власть”; бюрократия; оппозиция; критика.

178 Прошло уже четверть века после возвращения в университеты России политической науки, первые ростки которой появились еще во времена Пушкина и Лермонтова. Все чаще мы задаем себе вопрос: что нового привнесла российская политология в исследование теории и практики политики? И, конечно, на ум приходят имена отечественных обществоведов 1920-х, 1930-х, 1940-х годов рождения, которые немало сделали для понимания марксистско-ленинского анализа течения политической мысли, единственно принятого в свое время советскими идеологами. Впрочем, ими не были забыты и другие направления, актуализированные, правда, в превращенной форме — в форме критики буржуазной науки. Как бы то ни было, именно отечественные обществоведы после “прорыва умственных плотин” открыли нам и “другую сторону Луны” — постмарксистские и немарксистские течения политической мысли. Но самое главное, они сумели проложить первые лаги в изучение новейшей российской и мировой политики. Нам еще предстоит воздать им должное и расставить маркеры их вклада в развитие русского обществоведения. И надо сказать, что российское политологическое сообщество в лице РАПН и АПН немало в этом преуспело. В 1997 г. по инициативе Академии политической науки вышла “Антология мировой политической мысли” в пяти томах, где третий и четвертый тома посвящены России X-XX вв. В 2008 г. Российская ассоциация политической науки выпустила пятитомную антологию “Российская политическая наука”, содержащую труды отечественных исследователей с XIX по начало XXI в. Конечно, предстоит сделать еще больше. Размышление над прочитанной монографией В.П. Макаренко “Русская власть и бюрократическое государство” [Макаренко 2013] — лишь шаг на этом пути.

Монография состоит из трех частей: “Метод анализа”, “Бюрократия и власть” и “Демократические пропозиции” (15 глав). Она представляет собой квинтэссенцию многочисленных трудов автора, написанных на протя-

жении 1990-2010-х годов. Интересно, что предисловие практически является заключением его многолетних изысканий, описанных в книге. Но выводы настолько любопытные, что хочется прочитать всю книгу, чтобы выяснить, как ученый выстроил систему доказательств, как пришел к ним. Автор книги претендует на определенное место в отечественном синклите оригинальных политических мыслителей. Рассмотрим, есть ли для этого основания.

* * *

Откровенно говоря, все мы соскучились по качественной и талантливой критике. Нам нужны новые Белинские, Добролюбовы, Писаревы, Чернышевские в политологии, которые в свое время магическим скальпелем вскрыли застой в российском самосознании и тем самым вызвали существенные перемены в русской жизни.

Виктор Павлович Макаренко, безусловно, относится к “компании критиков”. О ее существовании так пишет Марк Уолцер, автор книги с тем же названием: “критика – это, по сути, работа, ведущаяся ‘изнутри’ мужчинами и женщинами, приверженными этому обществу, но подвергающими сомнению его политику и практику” [Уолцер 1999: 11]. Ее отсутствие отрицательно сказалось на российской политологии, считает Макаренко. Критика есть необходимое условие интеллектуальных инноваций, ведь самые важные политические идеи всегда формировались теми, кто находился в оппозиции к статус-кво. Отсюда бесконечное возвращение наших коллег к парадигме “модернизации-либерализации-демократизации-глобализации”. Большинство российских политологов используют третьесортный умственный материал советологии и постсоветологии, неспособны освободиться от злобы дня, выработать и сохранить дистанцию, нужную для критической рефлексии [Политическая теория... 2006: 65-67].

Критический метод – ведущий в монографии Макаренко. Он зиждется на скрупулезном историко-аналитическом анализе фактов и отличается яркой и меткой, бьющей наотмашь метафоричностью. Чего стоит его концепт “сжирубешенство”, который произведен, как он сам пишет, от русской поговорки “С жиру бесятся” для описания прошлого, настоящего и будущего политической бюрократии (с. 19). Или отношение к СМИ, которые иначе как “СМО – средства массового оглушения” он вслед за А. Бовиным не именует (с. 51). Возможно, кто-то назовет Макаренко идеологом современного нигилизма. Чем не базаровское “всеотрицание”: “Рафаэль гроша медного не стоит”, “Пушкин – это ерунда”. Между тем, как известно, и А.С. Грибоедов, и И.А. Крылов, и М.Е. Салтыков-Щедрин, так едко высмеявшие чиновничью дурь и низкопоклонство, тоже принадлежали к разряду государственных служащих, имеющих прямое отношение и к журналистике. Но, как обозначил историческую роль нигилизма русский философ и критик Н.Н. Страхов, “он имеет значение протеста, не всегда справедливого, но полезного уже тем, что, с одной стороны, воздерживает от примирения со многою ложью и пошлостью, а с другой – нападками на истину вызывает ее приверженцев на более разумную, строгую, критическую ее проверку и защиту” [Страхов 1890: 78]. Сам Макаренко в своей книге объясняет это тем, что метафоры играют важную роль в российском научном познании, поскольку аналитическая традиция не сложилась в интеллектуальной культуре России ни до, ни после 1917 г. Возможно, потому, что Россию одновременно толкают и рвут на части глубинные психологические и культурные силы, которые проявляются на острых поворотах истории [см. Биллингтон 2001; 2005].

За резко отрицательными суждениями о государстве и власти кто-то может увидеть в В.П. Макаренко, как когда-то заметил П.Б. Струве, сущностную особенность русской интеллигенции, для которой характерно “особое отношение к государству в его идее и его реальном воплощении”: “идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему” [Струве 1909: 131]. Возможно, даже возложит ответственность на него и “ему подобных” за разрушение Российской империи, Советского Союза, и, не дай Бог, постсоветской России. Критик В.Г. Бондаренко, к примеру, прямо назвал современную интеллигенцию виновницей жесточайшего кризиса русской нации, отсутствия национального самосознания в народе и национальной объединяющей идеи. По его представлениям, интеллигенция в России не является элитой, совестью нации, она продажна, низкопоклонствует перед Западом и не самостоятельна в своих мыслях и поступках [Бондаренко 1995].

Конечно, если надо свалить на кого-то вину за провалы российской политики, лучшей мишени, чем критически настроенные интеллектуалы, не найдешь. Но по отношению к В.П. Макаренко это будет не только несправедливым, но и поверхностным суждением о его научном творчестве и жизни. Лучше понять его позицию поможет биографический метод анализа, который применяют многие исследователи при изучении научного наследия авторов.

Виктор Макаренко — из семьи малоимущих железнодорожников, немало потрудившихся и пострадавших в своей жизни. Он родился 1 апреля 1944 г. на перегоне между Нежином и Черниговом, когда его мать возвращалась в Хмельницкую область из эвакуации, где затем продолжила каторжный труд на дороге за гроши. Отец за письма в “Правду” о неправильных расценках за труд был исключен из партии. Строгие и бескомпромиссные взгляды родителей на жизнь, его собственная наблюдательность позволили сформулировать главную жизненную проблему: как не стать холуем и не превратиться в лакея? Отсюда окрепшее со временем решение о выборе профессии: философия дает наибольшую степень интеллектуальной свободы (с. 625). Но рано проявившаяся страсть к учебе, знаниям, размышлениям должна была сочетаться с тяжелой работой грузчиком, шлифовщиком, наладчиком, службой в Советской армии. (Может быть отсюда его стиль — без вуали академичности, насыщенный народной лексикой “правды-матки”.)

Макаренко окончил среднюю школу рабочей молодежи, досрочно — вечернее отделение философского факультета, затем аспирантуру одного из известных вузов страны — Ростовского государственного университета, которому в 2015 г. исполняется сто лет и в котором в свое время учился будущий диссидент А.И. Солженицын. Вуз был образован во время Первой мировой войны из эвакуированного из Польши при наступлении немцев Варшавского университета, открытого еще Александром I в 1817 г. Неслучайно потом один из плодотворных периодов жизни Макаренко был связан со стажировкой в Институте философии и социологии Польской академии наук и работой приглашенным профессором университета им. М. Склодовской-Кюри в Люблине и Ягеллонского университета в Кракове. Именно этому периоду его жизни мы обязаны переводом трудов польских политологов, одними из первых среди стран Восточного блока институализировавших политическую науку, например, книги “Элементы теории политики” (1991 г.). Затем были и другие переводы: А. Гжегорчика “Жизнь как вызов: введение в рационалистическую философию” (2000 г.) и Т. Абея “Социология: основы теории” (2003 г.). На его счету две докторские диссертации — по философии и политологии, защищенные в Институте философии РАН в Москве и в Санкт-Петербургском государственном университете. Все они касаются, так или иначе, исследования “русской власти”, бюрократии, оппозиции, отчуждения.

Его критический метод связан с разрушением всяческих стереотипов, в том числе советских и американских, их “тефлоновых” идеологий, которые он называет “хуторскими”. Показателем в этом плане сюжет, который он воспроизводит из книги Д. Хеллера “Поправка — 22”, где летчик-американец после изгнания фашистов из Италии спорит со стариком-итальянцем. Первый доказывает, что Америка самая могущественная, непобедимая и процветающая страна в мире, и потому США будут жить вечно. Старик же утверждает, что это ничего не значит. Италия обычно войны проигрывала, но всегда жила припеваючи. Франция же побеждала, но всегда барахталась в кризисах. Земля от взрыва Солнца погибнет через 25 млн лет, а жабы живут на Земле уже 500 млн лет. До жаб Америке со всем ее могуществом и непобедимой армией не дотянуть... Потом старик, руководствуясь практической философией, вспоминает, как бросал эдельвейсы новым победителям, приходящим в Италию — то Муссолини, то антифашистам, то германским войскам, то американцам, которые прогнали немцев. При этом черенком цветка выбил глаз сначала немецкому обер-лейтенанту, а потом американскому майору. И тут Макаренко задает неожиданный вопрос: кого вчера в СССР и сегодня в России было больше: летчиков или самородных мудрецов? И кому должны выбить глаз мудрецы — своим или чужим оккупантам? Такой статистики он не припомнит, но приводит в качестве довода тот факт, что в начале XX в. в мире было чуть больше 60 стран, а в конце — уже около 240. Америка чрезвычайно укрепилась, и те страны, которые ориентируются на США, стремятся, как и они, придать своей истории и культуре как можно большее значение, даже если это не соответствует действительности. Похоже, тоже претендуют, как и Америка, на долголетие рода жаб. Между тем все происходящее в других странах не менее интересно, чем на собственном “хуторе” под названием “страна” или “государство” (с. 53).

Затем автор переходит к мысли о том, что “хуторской взгляд” на вещи давно продвигается через телевидение — это происходило в СССР, продолжается и сегодня. Телезритель лишен права смотреть туда, куда он хочет. Политические мероприятия превратились в организованные экскурсии под руководством телекамеры. Комментаторы приобрели власть над политическим опытом граждан. Но глупость интернациональна. Так, Пьер Бурдьё описал телевидение как средство символического насилия, современное телекладбище, где действует невидимая цензура, обусловленная коррумпированностью отдельных журналистов; структурной коррупцией всего телевидения на уровне конкурентной борьбы за рынок, склонностью журналистов к политическому конформизму; потерей независимости участниками передачи, сюжет разговора которых определяют другие. Но ведь и Российская империя, а затем СССР, как и Америка, хотели господствовать в Европе и в мире на протяжении большей части своей истории, занимались аналогичной массовой пропагандой. Значит, тоже претендовали на “долголетие рода жаб”?

Таких вопросов, ставящих порой в тупик, философ задает себе и нам немало. Не имею возможности цитировать дальше — книгу нужно читать. Но уже понятно, что у Макаренко-критика парадоксальный склад ума и круговая логика размышления. За этим сложно, но интересно следить. Он не за “красных” и не за “белых”, которым тоже немало достается при оценке их жизни и деятельности в эмиграции. Он критикует позиции советологов как эпигонов русских меньшевиков, осевших на Западе, которые, на его взгляд, в своих книгах воспроизводили стереотипы советской политики, идеологии и пропаганды на разных этапах существования СССР. В результате советология в Америке рухнула вместе с падением советской системы и теперь занята самооправданием и возвеличиванием своих заслуг (с. 67-68).

Похоже, как и Сократ, он готов “выпить яд цикуты” ради поиска высшей справедливости. Он вместе с гонимыми и думающими, такими как философ, лингвист, культуролог Михаил Константинович Петров, который в свое время послал свою книгу “Экзамен не состоялся” Н.С. Хрущеву, где метафорично описал крах КПСС, за что был снят с должности и изгнан с работы. Описывая его злоключения в своей книге, Макаренко воспроизводит диалог с ним: “На мой вопрос, чем и как мне заниматься, он ответил: ‘Не будь коммивояжером’. То есть не занимайся покупкой и продажей идей. Правильно ли я его понял? — пусть подскажут читатели”. Вот для него критерий суда над собой.

У нашего автора особое чувство родины. Он против коллаборационизма, но определенного рода. “В научном сообществе, — пишет он, — есть коллаборационисты — сообщники власти и журналистов. Чем больше писатели (ученые, философы) признаны среди равных себе и богаты специфическим капиталом, тем более они склонны к сопротивлению” (с. 60). И наоборот. Выходит, родина — это он сам, со своим строем мыслей и настроений? Правда, все они связаны с Россией, с ее историей, настоящим и будущим, с ее судьбой. У любого социального критика должна быть точка отсчета, “земля”, на которую он опирается, его система взглядов, позиций и, если хотите, система ценностей. (М. Уолцер, к примеру, оставляет под вопросом философов-критиков, считающих радикальную отстраненность предпосылкой критики.) Так вот, свои основания у Макаренко есть.

Он не ставит знак равенства между учением К. Маркса и русско-советским марксизмом. Первое, по его мнению, не устарело до сих пор (с. 78). Второй был чрезвычайно извращен в угоду текущей политике.

Он доказывает, что все схемы и аналогии западных исследователей относительно изменений в Российской империи и СССР в рамках теории модернизации и догоняющего развития, выстроенной там же, не являются аутентичными происходящему в стране. Отсюда его тезис о том, что “полемика с автохтонными и закордонными идеологическими гибридами может быть методологической предпосылкой обсуждения конкретных проблем русской власти и постсоветской бюрократии” (с. 72). Тем самым он бросает вызов всем советологам, россиеведам как за рубежом, так и своим родным “коллорабационистам” от науки.

Он полагает, что при анализе истоков большевизма надо учитывать и идеи мыслителей Запада, и политические традиции России. При этом “большевизм — это *беспрецедентный* во всемирной истории демиург метода устройства общества. Большевизм создал цивилизацию, которая радикально отрицала все предшествующие. Отдельные аспекты большевизма сближают его с некоторыми живыми и мертвыми цивилизациями. Но как социокультурная формация... он является интенциональной и реальной альтернативой всем остальным методам устройства социальной жизни” (с. 98).

К русскому обществу, по мнению автора, неприменима марксова схема, поскольку в истории России не было периодов, когда государственные интересы выражали или хотя бы приспособлялись к интересам частных собственников. Власть всегда распоряжалась средствами насилия и средствами производства. Главный интерес государства был, прежде всего, политическим, а не экономическим. Поэтому русское государство никогда не выражало ни интересы частной собственности, ни интересы “всего общества” и не служило социальным целям (с. 211). Царская Россия — первая капиталистическая страна, в которой сформировался властно-собственнический класс. В этом смысле она действительно опередила страны Запада, в которых экономика, техника и технология были более развиты, чем в России (с. 225).

Один из главных тезисов исследователя таков: никакая власть не заслуживает полного политического доверия и не является абсолютно леги-

тимной. Этот вывод обоснован в его политической концептологии – междисциплинарном подходе к исследованию, пониманию и моделированию политической реальности и мышления.

Интерес представляют главы, посвященные бюрократии вообще, и русской бюрократии в частности. Анализом бюрократии Макаренко занимается с 1974 г. За это время он реализовал целую исследовательскую программу: от реконструкции подхода Маркса и Энгельса к проблеме бюрократии на всем протяжении их творческой деятельности до выявления аналитических и политических взглядов Ленина на нее, критического анализа теории бюрократии Вебера, сравнения марксистского и веберовского подходов к этой проблеме и т.д. Он воспроизводит ее в своей монографии, а также доказывает научную несостоятельность и политический консерватизм методологии социального познания М. Вебера и убеждает, что в России веберовская концепция “рациональной бюрократии” используется для апологетики существующего режима и манипуляции обществом (с. 141-163).

Любопытен взгляд Макаренко на оппозицию, которую он анализирует в главе “Обслуга государственной машины России”. Он считает, что так наз. оппозиция была и остается частью властно-политического истеблишмента, а сам способ постановки и обсуждения социальных и политических проблем в современной России является разновидностью манипуляции обществом со стороны власти, ее специальных и идеологических служб.

Впрочем, его ирония распространяется не только вовне, но и на себя самого. Следует отдать должное его эрудиции. Вот, например, приводимая им цитата из рассказа Василия Белова “Бухтины вологодские завиральные”: “Хорошо жить, пока ты Кузька. Только станешь Кузьма Иванович – сразу и кидает в задумчивость”... Это о том, как на примере своих студенческих наблюдений на лекциях и, позднее, – социологических исследований коллег Л. Гудкова, Б. Дубина и Ю. Левады, он пришел к выводу, что холуйство в досоветской, советской и постсоветской России есть “тип господствующей политической культуры” и порождается на вершине политической иерархии [Гудков, Дубин, Левада 2007: 202-203]. Он и сам успел побывать руководителем ростовского отделения “Демократической платформы в КПСС”. Но, резюмирует Макаренко, “небольшой опыт практической политики привел меня к сильнейшему подозрению: вся так называемая многопартийность – советская разновидность российского полицейского социализма” (с. 630).

Словом, без Макаренко уже невозможно себе представить российскую политическую науку. Без его оригинального взгляда на историю, политическую философию, без его критического подхода.

Биллингтон Дж. 2001. *Икона и топор: опыт истолкования истории русской культуры*. М.: Рудомино. 880 с.

Биллингтон Дж. 2005. *Россия в поисках себя*. М.: РОССПЭН. 224 с.

Бондаренко В.Г.1995. *Крах интеллигенции. Злые заметки Зоила*. М.: Палея. 240 с.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. 2007. *Проблема элиты в сегодняшней России: размышления над результатами социологического исследования*. М.: Фонд “Либеральная миссия”. 372 с.

Макаренко В.П. *Русская власть и бюрократическое государство, часть I: монография*. Ростов-на-Дону. Изд-во МарТ. 2013. 652 с.

Политическая теория. Беседа с Борисом Капустиним. 2006. – *Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений* (под ред. В. Куренного). М.: Некоммерческий фонд “Наследие Евразии”. С. 61-72.

Страхов Н.Н. *Из истории литературного нигилизма. 1861-1865*. 1890. СПб. 606 с.

Струве П.Б. Интеллигенция и революция. — *Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции*. М.: 1909. С. 127-145.

Уолцер М. 1999. *Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века*. М.: Идея-Пресс. Дом интеллектуальной критики. 356 с.

DOI: 10.17976/jpps/2015.03.12

RUSSIAN GOVERNMENT AND BUREAUCRATIC STATE BY V.P. MAKARENKO

L.N. Timofeeva¹

¹*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Moscow, Russia*

TIMOFEEVA Lidia Nikolaevna, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Deputy Head, Department of Political Science and Political Management, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Email: timofeeva-lidiya@inbox.ru

Received: 02.02.2015. Accepted: 16.02.2015

Abstract. The reviewed monograph (Makarenko V.P. *Russkaya vlast' i byurokraticheskoe gosudarstvo, chast' 1: monografiya* [Russian Government and Bureaucratic State, part 1: Monograph]. Rostov-on-Don. Publishing House "March". 2013. 652 p.) is devoted to application of the theory of bureaucracy developed by the author to analyze the relationship between the Russian power and the bureaucratic state, interest groups and the government of modern Russia. Author's critical perspective on the methods used by Russian and foreign scientists in the analysis of Russian history, the Russian state, Russian government and its bureaucracy allows to get a deep insight into the nature of these phenomena and to reveal their essence. The author analyzes emergence of corporate and other types of relations between interest groups and state officials, as well as how they are studied by modern political science and praxis.

Keywords: V.P. Makarenko; Russia; Russian government; bureaucracy; opposition; criticism.

References

Billington J.H. *Russia in Search of Itself* (Russ. ed.: *Rossiya v poiskakh sebya*. Moscow: ROSSPEN. 2005. 224 p.).

Billington J.H. *The Icon and the Axe: an Interpretive History of Russian Culture* (Russ. ed.: Billington J.H. *Ikona i topor: opyt istolkovaniya istorii russkoi kul'tury*. Moscow: Rudomino. 2001. 880 p.).

Bondarenko V.G. *Krakh intelligentsii. Zlye zametki Zoila* [Demise of the Intelligentsia. Zoil's Evil Notes]. Moscow: Paleya. 1995. 240 p. (In Russ.)

Gudkov L.D. Dubin B.V., Levada Ju.A. *Problema jelyty v segodnjashnej Rossii: razmyshleniya nad rezul'tatami sociologicheskogo issledovaniya* [The Problem of Elite in Modern Russia: Reflections on the Results of a Sociological Study]. Moscow: Liberal Mission Foundation. 2007. 372 p. (In Russ.)

Makarenko V.P. *Russkaya vlast' i byurokraticheskoe gosudarstvo, chast' 1: monografiya* [Russian Government and Bureaucratic State, part 1: Monograph]. Rostov-on-Don. Publishing House "MarT". 2013. 652 p. (In Russ.)

Politicheskaya teoriya. Beseda s Borisom Kapustinym [Political Theory. Conversation with B.G. Kapustin]. — *Myslyashchaya Rossiya. Kartografiya sovremennykh intellektual'nykh napravlenii* (pod red. V. Kurenogo) [Thinking Russia. Description of Modern Intellectual Trends (ed. by V. Kurennoy)]. Moscow: Russian Nonprofit Organization Eurasia Heritage Foundation. P. 61-72. (In Russ.)

Strakhov N.N. *Iz istorii literaturnogo nihilizma. 1861-1865*. [From the History of Nihilism in Literature. 1861-1865]. Spb. 2890. 606 p. (In Russ.)

Struve P.B. *Intelligentsiya i revolyutsiya* [Intelligentsia and Revolution]. — *Vekhi. Sbornik statei o russkoi intelligentsii* [Milestones. Collection of Articles about the Russian Intelligentsia]. Moscow. 1909. P. 127-145. (In Russ.)

Walzer M. *The Company Of Critics: Social Criticism And Political Commitment In The Twentieth Century* (Russ. ed.: *Kompaniya kritikov. Sotsial'naya kritika i politicheskie pristrastiya XX veka*). Moscow: Ideya-Press. Dom intellektual'noi kritiki. 1999. 356 p.